

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Тупапау , или Сказка о злой жене

Евгений Лукин

Тупапау , или Сказка о злой жене

«Автор»

1981

Лукин Е. Ю.

Тупапау , или Сказка о злой жене / Е. Ю. Лукин — «Автор»,
1981

Пятеро отдыхающих плавали на лодке по Волге, когда в моток медной проволоки на корме попала молния. Лодка тут же очутилась в параллельном мире: посреди океана, под тропическим солнцем, рядом с гористым островом, густо поросшим пальмами.

© Лукин Е. Ю., 1981

© Автор, 1981

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любовь Лукина, Евгений Лукин Тупапау, или Сказка о злой жене

Светлой памяти Жени Федорова

1

Мглистая туча наваливалась на Волгу с запада, и намерения у нее, судя по всему, были самые серьезные. Дюралевый катерок сбросил скорость и зарылся носом в нарзанно зашипевшую волну.

– Толик, – жалобно позвал толстячок, что сидел справа. – По-моему, она что-то против нас имеет...

Хмурый Толик оценил исподлобья тучу и, побарабанив пальцами по рогатому штурвалу, обернулся – посмотреть, далеко ли яхта.

Второе судно прогулочной флотилии выглядело куда эффектнее: сияюще-белый корпус, хромированные поручни, самодовольно выпяченные паруса. За кормой яхты бодро стучал подвесной мотор, но в скорости с дюралкой она, конечно, тягаться не могла.

– Это все из-за меня, ребята... – послышался виноватый голос с заднего сиденья. Там в окружении термосов, спиннингов и рюкзаков горбился крупный молодой человек с глазами великомученика. Правой рукой он придерживал моток толстенной – с палец – медной проволоки, венчающей собой всю эту грудку добра.

– Толик, ты слышал? – сказал толстячок. – Раскололся Валентин! Оказывается, туча тоже из-за него.

– Не надо, Лева, – с болью в голосе попросил тот, кого звали Валентином. – Не опоздай мы с Натой на пристань...

– «Мы с Натой»... – сказал толстячок, возводя глаза к мглистому небу. – Ты когда кончишь выгораживать свою Наталью, непротивленец? Ясно же, как божий день, что она два часа макияж наводила!

Но тут в глазах Валентина возникло выражение такого ужаса, что Лева, поглядев на него, осекся. Оба обернулись.

Белоснежный нос яхты украшала грациозная фигура в бикини. Она так вписывалась в стройный облик судна, что казалось, ее специально выточили и установили там для вящей эстетики.

Это была Наталья – жена Валентина.

Впереди полыхнуло. Извилистая молния, расщепившись натрое, отвесно оборвалась за темный прибрежный лесок.

– Ого... – упавшим голосом протянул Лева. – Дамы нам этого не простят.

На заднем сиденье что-тобрякнуло.

– Ты мне там чужую проволоку не утопи, – не оборачиваясь, предупредил Толик. – Нырять заставлю...

А на яхте молнии вроде бы вообще не заметили. Значит, по-прежнему парили в эмпиреях. Наталья наверняка из бикини вылезала, чтобы произвести достойное впечатление на Федора Сидорова, а Федор Сидоров, член Союза художников, авангардист и владелец яхты, блаженно жмурился, покачиваясь у резного штурвала размером с тележное колесо. Время от времени, чувствуя, что Наталья выдыхается, он открывал рот и переключал ее на новую тему, упомянув Босха или, скажем, Кранаха.

На секунду глаза Натальи стекленели, затем она мелодично взывала: «О-о-о, Босх!» или «О-о-о, Кранах!»

Причем это «о-о-о» звучало у нее почти как «у-у-у» («У-у-у, Босх!», «У-у-у, Кранах!»). И начинала распинаться относительно Босха или Кранаха.

Можно себе представить, как на это реагировала Галка. Скорее всего, слушала, откровенно изумляясь своему терпению, и лишь когда становилось совсем уже неважно, отпускала с невинным видом провокационные реплики, от которых Наталья запинаясь, а Федор жмурился еще блаженнее...

На дюральке же тем временем вызревала паника.

– Что ж мы торчим на фарватере! – причитал Лева. – Толик, давай к берегу, в конце-то концов...

– Лезь за брезентом, – распорядился Толик. – Сейчас здесь будет мокро. Ну куда ты полез? Он у меня в люке.

– В люке? – возмутился Лева. – Додумался! Нарочно, чтобы меня сгонять?

Он взобрался на сиденье и неловко перенес ногу через ветровое стекло. При этом взгляд его упал на яхту.

– Эй, на «Пенелопе»! – завопил Лева. – Паруса уберите! На борт положит!

Он выбрался на нос дюральки и по-лягушачьи присел над люком.

Тут-то их и накрыла гроза. Дождь ударил крупный, отборный. Брезент изворачивался, цеплялся за все, что мог, и норовил уползти обратно, в треугольную дыру. Лева высказывался. Сзади сквозь ливень маячил смутный силуэт яхты с убранными парусами. Валентин на заднем сиденье старался не утопить чужую проволоку и прикидывал, что с ним сделает промокшая жена на берегу за эту бог весть откуда приползшую тучу.

Но когда ни на ком сухой нитки не осталось – выяснилось вдруг, что гроза не такая уж страшная штука.

– Ну что, мокрая команда? – весело заорал Толик. – Терять нечего? Тогда отдыхаем дальше!..

Совпадение, конечно, но все-таки странно, что молния ударила в аккурат после этих самых слов.

2

Все стало ослепительно-белым, потом – негативно-черным. Волосы на голове Толика, треща, поднялись дыбом (не от страха – испугаться он не успел). Предметы, люди, сама лодка – все обросло игольчато-лучистым ореолом. Прямо перед Толиком жутко чернело перекошенное лицо Левы в слепящем нимбе.

Это длилось доли секунды. А потом мир словно очнулся – зашумел, пришел в движение. Лодка тяжело ухнула вниз с полутораметровой высоты, оглушительно хлопнув по воде плоским днищем, затем угрожающе накренилась, встав при этом на корму, и какое-то время казалось, что она неминуемо перевернется. Лева кувыркнулся через ветровое стекло и, ободрав плечо о худую наждачную щеку Толика, шлепнулся за борт.

Этот незначительный толчок, видимо, и решил исход дела – дюралка выровнялась. Толик, опомнившись, ухватил за хвост убегающую за борт брезентовую змею и рванул на себя. На помощь ему пришел Валентин. Вдвоем они втащили в лодку полузахлебнувшегося Леву и принялись разжимать ему пальцы. Вскоре он затряс головой, закашлялся и сам отпустил брезент.

– Все целы? – крикнул Толик. – У кого что сломано, выбито? А ну подвигайтесь, подвигайтесь, проверьте!

– Вот... плечо обо что-то оцарапал, – неуверенно пожаловался Лева.

– И все? – не поверил Толик.

Он перевел глаза на Валентина. Тот смущенно пожимал плечами – должно быть, не пострадал вообще.

И тогда Толик начал хохотать.

– Плечо... – стонал он. – Чуть не сожгло, на фиг, а он говорит: плечо...

Мокрый Лева ошарашенно смотрел на него. Потом тоже захихикал, нервно облизывая с губ горько-соленую воду. Через минуту со смеху покатывались все трое, да так, что лодка раскачивалась.

Но это им только казалось – дюралка танцевала совсем по другой причине. Истина открылась в тот момент, когда друзья перевели наконец дыхание.

Большая пологая волна выносила суденышко все выше и выше, пока оно не очутилось на вершине водяного холма, откуда во все стороны очень хорошо просматривался сверкающий под тропическим солнцем океан. Приблизительно в километре от лодки зеленел и топорщился пальмами гористый остров. Ничего другого, напоминающего сушу, высмотреть не удалось.

Дюралка плавно соскользнула с волны. Теперь она находилась как бы на дне водяной котловины. Остров исчез.

Трудно сказать, сколько еще раз поднималась и опускалась лодка, прежде чем к друзьям вернулся дар речи. Первым из шока вышел Толик.

– Так... – сипло проговорил он. – Попробуем завестись...

3

Да, это вам была не река! Дюралька штурмовала каждую волну, как гусеничный вездеход штурмует бархан. Сначала остров приближался медленно, словно бы нехотя, а потом вдруг сразу надвинулся, угрожающе зашумел прибоем.

Лодка удачно проскочила горловину бухточки, радостно взвыла и, задрав нос, понеслась по зеркальной воде к берегу. Толик поздно заглушил мотор, и дюралька на полкорпуса выехала на чистый скрипучий песок.

Роскошный подковообразный пляж был пугающе опрятен: ни обрывков бумаги, ни жестянок из-под консервов. У самой воды, где обычно торчат остrokонечные замки из сырого песка, рассыпаны были редкие птичьи следы. Амфитеатром громоздились вечнозеленые заросли. С живописной скалы сыпался прозрачный водопадик.

– Ребята... – послышался потрясенный голос с заднего сиденья. – Но ведь это не укладывается в рамки общепринятой теории...

– Да помолчи ты хоть сейчас! – взвыл Лева. – Какая, к чертям, теория? Толик, скажи ему!..

Толик, вытянув шею, смотрел поверх ветрового стекла куда-то вдаль.

– Баньян¹, – тихо, но отчетливо произнес он.

– Где? – испугался Лева.

– Вон то дерево называется баньян, – зачарованно проговорил Толик. – Я про него читал.

Дерево было то еще. Стволов шесть, не меньше. То ли крохотная рощица срослась кронами, то ли каждая ветвь решила запустить в землю персональный корень.

– Где? Г-где?.. – Лева вдруг стал заикаться.

– Вон, правой водопада...

– Да нет! Где растет?

– В Полинезии, – глухо сказал Толик.

– В Поли... – Лева не договорил и начал понимающе кивать, глядя на баньян.

– Перестань, – сказал Толик.

Лева кивал.

– Может, воды ему? – испуганным шепотом спросил Валентин.

Толик нашарил под сиденьем вскрытую пачку «Опала», кое-как извлек из нее сигарету и не глядя ткнул фильтром сначала в глаз Лева, потом в подбородок. Лева машинально щелкнул зубами и чуть не отхватил Толику палец. Со второй попытки он прокусил сигарету насквозь.

Так же не глядя Толик сунул пачку Валентину, но тот отпрянул и замотал головой – месяц назад Наталья, прочитав статью о наркомании, настрого запретила ему курить.

Лева перестал кивать. Потом, напугав обоих, с шумом выплюнул откушенный фильтр.

– А чего, спрашивается, сидим? – вскинулся он вдруг.

Так и не дав никому прикурить, Толик сделал над собой усилие и вылез из дюральки. Постоял немного, затем поднял глаза на заросли и неловко сел на борт.

– Ребята... – снова подал голос Валентин.

– Знаю! – оборвал Толик. – Не укладывается. Слышали.

Он вскочил, выгнал из лодки Валентина и Леву, столкнул ее поглубже в воду, пристегнул карабин тросика и, отнеся якорь шага на три, прочно вогнал его лапами в песок. Спасался человек трудотерапией.

¹ Баньян (баниан) – тропический фикус огромных размеров.

Сзади слышались не совсем понятные звуки. Толик обернулся и увидел, что Лева сидит на песке и бессмысленно посмеивается, указывая сломанной сигаретой то на бухту, то на баньян, то на водопадик.

– Послушайте... – смеялся Лева. – Этого не может быть...

Он встретился глазами с Толиком, поскучнел и умолк.

– Оч-чень мило... – бормотал между тем Валентин, очумело озираясь. – Позвольте, а где же?... Я же сам видел, как...

Он кинулся к лодке и бережно вынес на песок чудом не оброненный за борт моток толстой медной проволоки. Собственно, мотком это уже не являлось. Теперь это напоминало исковерканную пружину от гигантского матраца, причем исковерканную вдохновенно.

И еще одно – раньше проволока была тусклой, с прозеленью, теперь же сверкала, как бляха на параде.

– Оч-чень мило... – озадаченно повторял Валентин, обходя ее кругом. – То есть в момент разряда моток принял такую вот форму...

Услышав слово «разряд», Толик встрепнулся.

– Валька! – умоляюще сказал он. – Ну ты же физик! Теоретик! Что же это, Валька, а?

Лицо у Валентина мгновенно сделалось несчастным, и он виновато развел руками.

– Давайте хоть костер разожжем! – от большого отчаяния выкрикнул Лева. Он все еще сидел на песке.

Толик немедленно повернулся к нему.

– Зачем?

– Может, корабль какой заметит...

Лицо Валентина выразило беспокойство.

– Лева, – с немислимой в такой обстановке деликатностью начал он. – Боюсь, что тебе долго придется жечь костер...

– То есть?

– Видишь ли... Насколько я понимаю, перенос в пространстве должен сопровождаться переносом во времени... Боюсь, что мы в иной эпохе, Лева. И если это действительно Полинезия, то похоже, что европейцы здесь еще не появлялись...

Лева обезумел.

Он вскочил с песка. Он метался по пляжу, он кричал, чтобы Валентин взял свои слова обратно. Потом, полагая, видимо, что одним криком не убедишь, попытался применить силу – и его пришлось дважды оттащить от большого и удивленного Валентина. Наконец Толику надоела неблагоприятная роль миротворца, что немедленно выразилось в коротком тычке по Левиным ребрам.

– Кончай! – внятно произнес Толик.

Будучи в прошлом одноклассниками, инженер Лева, слесарь Толик и физик-теоретик Валентин знали друг друга до тонкостей. И если у Толика вот так на глазах менялось лицо, это означало, что робкого Валентина опять обижают и что в следующее мгновение маленький худой Толик пулей влетит в потасовку, как бультерьер Снап из известного рассказа Сетона-Томпсона.

Лева мигом припомнил золотые школьные деньки и притих.

– Слушай, сейчас хлебнуть бы... – берясь за горло, обессиленно сказал он. – Достань, а?

– Водка на яхте, – напомнил Толик.

– Слу-шай... – выдохнул Лева. – А яхта где? Где «Пенелопа»?

Оба почему-то посмотрели на горловину бухты. Там ходили белые, как закипающее молоко, буруны.

– Эх, не послушал я Федора, дурак, – с сожалением молвил Лева. – Он же предлагал: идем на яхте... Нет, надо было мне влезть в твою жестянку! Был бы уже в городе... протокол бы составляли...

– Как дам сейчас в торец! – озлился Толик. – Без протокола.

– Ребята...

...И так неожиданно, так умиротворенно прозвучало это «ребята», что оба с сумасшедшей надеждой повернулись к Валентину. Все-таки физик... теоретик...

Теоретик стоял возле сверкающей медной спирали и с живым интересом оглядывал пейзаж.

– Ребята, я все-таки с вашего позволения возьму одну «опалину»?..

И, получив в ответ обалделый кивок, направился к берегу, мурлыча что-то из классики.

– Что это с ним? – тихо спросил Лева.

Толик неопределенно повел плечом.

Валентин уже возвращался, с наслаждением попыхивая сигаретой.

– Ребята, а знаете, здесь неплохо, – сообщил он. – Вообще не понимаю, чем вы недовольны... Могли попасть в жерло вулкана, в открытый космос – куда угодно! А здесь – смотрите: солнце, море, пальмы...

Видно, никотин с отвычки крепко ударил ему в голову.

– Я, конечно, постараюсь разобраться в том, что произошло, – небрежно заверил он, – но вернуться мы, сами понимаете, уже не сможем. Ну и давайте исходить из того, что есть...

– Т-ты... ты оглянись вокруг! – Лева вновь обнаружил тенденцию к заиканию.

– Отстань от него, – хмуро сказал Толик. – От Натальи человек избавился – неужели не понимаешь?

4

Завтрак протекал в сложном молчании – каждый молчал по-своему. Валентин улыбался каким-то приятным мыслям и вообще вел себя раскованно. Лева с остановившимся взглядом уничтожал кильку в томате. Толик что-то прикидывал и обмозговывал. Грохотали отдаленные буруны, и кричали чайки.

– Слушайте! – побледнев, сказал Лева. – Кажется, мотор стучит.

Они перестали жевать.

– Ага... Жди! – проворчал наконец Толик.

Лева расстроено отшвырнул пустую консервную банку.

– И чайки какие-то ненормальные... – пожаловался он ни с того ни с сего. – Почему у них хвосты раздвоены? Не ласточки, не чайки – так... черт знает что... В гробу я видел такую робинзонаду!

– А ну принеси обратно банку! – взвился вдруг Толик. – Я тебе побросаю! И целлофан тоже не выбрасывать. Вообще ничего не выбрасывать. Все пригодится...

Лева смотрел на него вытаращенными глазами.

– Мотор! – ахнул он. – Ей-богу, мотор!

Толик и Лева оглянулись на бухту и вскочили. «Пенелопа» уже миновала буруны и, тархтя, шла к берегу. В горловине ей досталось крепко – в белоснежном борту повыше ватерлинии зияла пробоина, уничтожившая последнюю букву надписи, отчего название судна перешло в мужской род: «Пенелоп...»

Лева забежал по колено в воду. Он размахивал майкой, прыгал и ликующе орал: «Сюда! Сюда!» А на носу яхты скакала Галка и пронзительно визжала: «Мы здесь! Мы здесь!», – хотя их уже разделяло не более десятка метров.

Глубокий киль не позволил яхте причалить прямо к берегу, и ее пришвартовали к корме дюральки.

И вот на горячий песок доисторического пляжа ступила точеная нога цивилизованной женщины. Первым делом Наталья направилась к мужу. Заплаканные глаза ее стремительно просыхали, и в них уже проскакивали знакомые сухие молнии. Что до Валентина, то он окостенел в той самой позе, в какой его застало появление «Пенелопа». Пальцы его правой руки были сложены так, словно еще держали сигарету, которую у него вовремя сообразил выхватить Толик.

– Как это на тебя похоже! – с невыносимым презрением выговорила Наталья.

Валентин съежился. Он даже не спросил, что именно на него похоже. Собственно, это было несущественно.

Второй переправили Галку. Вела она себя так, словно перекупалась до озноба: дрожа, села на песок и обхватила колени. Глаза у нее были очень круглые.

И наконец на берег сбежал сам Федор Сидоров. Здравав бороденку, он ошалело оглядел окрестности, после чего во всеуслышание объявил:

– Мужики! Это Гоген!

– О-о-о (у-у-у), Гоген!... – восторженно было Наталья – и осеклась.

– Нет, но какие вы молодцы, – приговаривал Лева со слезами на глазах. – Какие вы молодцы, что приплыли! Вот молодцы!

Как будто у них был выбор!

– А эт-то еще что такое? – послышался ясный, изумленно-угрожающий голос Натальи. Ее изящно вырезанные ноздри трепетали. Валентин перестал дышать, но было поздно.

– Наркоман! – на неожиданных низах произнесла она.

Лицо Толика приняло странное выражение. Казалось, он сейчас не выдержит и скажет: «Да дай ты ей в лоб наконец! Ну нельзя же до такой степени бабу распускать!»

Ничего не сказал, вздохнул и, вытащив из дюральки охотничий топорик, направился к зарослям.

Впрочем, Наталью в чем-то можно было понять. В конце концов ведь и сам Толик в первые минуты пребывания на острове с ненужным усердием хлопотал вокруг дюральки, боясь поднять глаза на окружающую действительность. Видно, такова уж защитная реакция человека на невероятное: сосредоточиться на чем-то привычном и хотя бы временно не замечать остального.

Поэтому выволочка была долгой и обстоятельной, с надрывом и со слезой. Валентину влетело за курение в трагический момент, за друга-слесаря, за нечуткость и черствость и наконец за то, что с Натальей не стряслось бы такого несчастья, выйди она замуж за другого.

Наталью тупо слушали и, не решаясь отойти от лодок, с завистью следили за мелькающим вдалеке Федором Сидоровым. Как очумелый, он бегал по берегу, прищуривался, отшатывался и закрывал ладонью отдельные фрагменты пейзажа. Потом и вовсе исчез.

Наталья вот-вот должна была остановиться, пластинка явно доскрипывала последние обороты, но тут, как нарочно, начала оживать Галка.

– Ну что? – высоким дрожащим голосом спросила она. – С кем в бадминтон?

После этих слов с Натальей приключилась истерика, и вдвоем слевой они наговорили Галке такого, что хватило бы на трех Галок. Но провокаторше только этого было и надо: поогрызавшись с минуту, она перестала дрожать и ожила окончательно.

– Один, понимаешь, на Гогене шизанул, – шипел и злобствовал Лева, – этой – бадминтон!.. А вот, полюбуйтесь, еще один сидит! Ему здесь, видите ли, неплохо! А? Неплохо ему!..

– Это кому здесь неплохо? – вскинулась Наталья.

Лева сгоряча объяснил, а когда спохватился – над пляжем уже висела пауза.

– Негодяй! – тихо и страшно произнесла Наталья, уставив на мужа прекрасные заплаканные глаза. – Так тебе, значит, без меня неплохо? Ты хотел этого, да? Ты этого добивался? Ты... *Ты подстроил это!*

Обвинение было настолько чудовищным, что даже сама Наталья застыла на секунду с приоткрытым ртом, как бы сомневаясь, не слишком ли она того... Потом решила, что не слишком, – и началось!

Погребенный под оползнем гневных и, видимо, искренних слов, Валентин даже не пытался барахтаться. Злодеяние его было очевидно. Он заманил супругу на яхту с подлым умыслом бежать на слесаревой дюральке. Но он просчитался! Он думал, что яхта останется там, на Волге. Не вышло. Негодяй, о негодяй! И он думает, что она, Наталья, согласится похоронить свою молодость на необитаемом острове? Ну нет!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.